

В ИЛЛ с кружкой эля вышел через заднюю дверь и с удовольствием сел на широко прохладное крыльцо в тени яблони. Было только семь часов утра, но Лондон уже задыхался от жары. Вилл всю ночь обливался потом в своей спальне под самой крышей. Там, на Бэнксайд, театр «Глобус» уже, наверно, освещен солнцем. Днем он закипит, как котел, зрители будут возбужденными и шумными, словно попугаи. Для постановки новой пьесы погода была явно неподходящей. Просто повезет, если удастся сойти со сцены живым.

Здесь, на Силвер-стрит, трава в саду была покрыта росой, пели утренние птицы. Вилл прислонился затылком к дверному косяку и закрыл глаза.

— Не стоило маме вчера так ворчать на вас, мистер Шекспир.

Вилл открыл глаза и улыбнулся Мери. Она, как скворец, сидела на верхней ступеньке, подбрав ноги под складки темно-голубого платья. Чтобы не было так жарко, Мери распахнула ворот и закатила рукава выше угловатых, почти детских локтей. Волосы ее, мягкие, как пух, были собраны в узел: ей только недавно исполнилось семнадцать лет, и к своей внешности она относилась беззаботно, как мальчишка. Она быстро лущила горох в корзину, стоявшую на коле-

— Но вы же все время пишете пьесы. Уже три или четыре с тех пор, как приехали сюда. И никогда вы не были так плохи, как сейчас.

— Эта пьеса иная, — сказал Вилл.

— Самая лучшая, да? — нахальным тоном спросила Мери.

Вилл усмехнулся:

— На сей раз действительно лучшая.

— Ой, Вилл, как бы мне посмотреть ее? Можно, я приду сегодня?

Вилл резко выпрямился.

— Нет, нет, — сказал он. — Это тебе не следует... — В отчаянии он огляделся по сторонам и снова остановил взгляд на ее юном лице. — Твоего отца нет дома, а одной тебе нельзя, ты же знаешь.

— Но ведь вы можете взять меня с собой. Мы же ходили с вами на «Как вам это понравится». — Мери от волнения затаила дыхание. — Посадите меня на галерею, и я не шелохнусь до самого конца, а потом проводите прямо домой...

— Не могу, — сказал Вилл. — Я... я занят в первом акте. И мне надо быть там пораньше. Нужно надеть доспехи.

Слишком поздно он вспомнил о мальчишеском энтузиазме Мери.

— О, там будут сражаться? Там будет дуэль? Вилл, пожалуйста, возьмите меня...

Миссис Монтджой, появившись позади них в дверном проеме, резко спросила:

— Ты уже получила горох, Мери?

— Нет еще, мама.

— Тогда, будь любезна, заканчивай поскорей и оставь в покое мистера Шекспира.

Мери укладкой бросила из-под длинных ресниц взгляд на Вилла.

Некоторое время они сидели молча.

— Я с удовольствием смотрела «Как вам это понравится», — сказала нако-

определенное. Он догадывался, что, если хозяйка проявляет такой интерес к его семейной жизни, это значит, что она сама поглощена этими проблемами: или дети считают, что сдавать комнату нереспектабельно, или комната жильца нужна старой свекрови — и разговор клонится к тому, что он вскоре должен будет найти себе другое жилье. Было бы жаль, если она намеревалась сказать ему это: Виллу нравилось на Силвер-стрит. Он вздохнул и смиренно ждал, что миссис Монтджой скажет дальше.

Но миссис Монтджой промолчала, и невысказанное гажело повисло в воздухе. Появление Мери, спускавшейся бе-гом по лестнице, принесло некоторое облегчение им обоим.

— Он идет, мама, — сообщила она, запыхавшись. — Говорит, думал, что сегодня не надо спешить.

Плотно сжав губы, миссис Монтджой отправилась на кухню. Вилл наблюдал, как омрачается смышленное лицо Мери, понимая свою бестактность.

Стивен, подмастерье, в последнее время откровенно пользовался отлучками хозяина, чтобы отлынивать от работы, зная, что никому не захочется требовать от него отчета; Мери и не нужно было говорить это вслух.

Однако ей было件но, что пытаться исправить эту оплошность — значит ухудшить дело. Она снова села на крыльцо, подперев ладонями подбородок. Постепенно нахмуренный ее лоб прояснился, она снова глянула на Вилла искоса.

— До театра ведь не так уж далеко?

— Довольно далеко, — ответил Вилл обескураживающе.

— А мне показалось недалеко, когда мы ходили на «Как вам это понравится». Если б у матери не болела так голова, она, пожалуй, отправилась бы со мной...

Едва до Вилла дошел смысл ее слов, как тошнота, которую она сдерживала, подкатила к ее горлу. Она поперхнулась, прижала ладони ко рту и, зашмырившись, бросилась в кухню. Вилл подскочил с криком: «Мери!», но Мери уже отставила кувшин с элем и бросилась к матери. Стивен с пирогом и кружкой горючего вышел в сад, и они с Виллом стояли некоторое время в беспомощном молчании.

— Мигрень, — спокойно произнес Стивен, снова принимаясь за полусъеденный пирог.

Вилл с отвращением смотрел, как он жует. Мери и этот типчик? Нет, Стивен еще мальчишка, ему нужно подрасти, а Мери ведь уже семнадцать. Прошло ее время сидеть на крыльце и болтать с жильцом; ясно, что миссис Монтджой думала так, и вот почему она заговорила об этом — за сказанным крылось предостережение. Но Вилла не нужно было предостерегать. Мери была маленькой девочкой, когда он познакомился с ней, и он думал о ней как о маленькой девочке — до последнего момента.

— Уже можешь возвращаться, — раздался негромкий голос Мери.

Она стояла на верхней ступеньке. Вилл разглядывал ее, будто видел впервые. Он представил ее невестой, высокой, стройной, как пламя свечи, среди подруг, а женихом должен быть Стивен. Его разум отказывался принимать это.

— Ну как... как она? — спросил он.

— Опять у нее был приступ. — Мери откинула назад свои шелковистые волосы, бессознательно копируя жест матери. — Наверно, ей снова будет плохо. Тогда я дам ей снотворного, и она уснет до вечера. — Мери чуть улыбнулась, глядя на встревоженное лицо Вилла. —

ПРЕМЬЕРА

Это рассказ о Вильяме Шекспире. Действие его происходит в 1602 году. Персонажи — реально существовавшие лица.

В 1964 году на конкурсе рассказов, посвященных великому драматургу, Мойра Берджесс получила за это свое произведение Шекспировскую премию. Было ей тогда 28 лет. Жюри конкурса состояло из видных исследователей жизни и творчества Шекспира.

нях, даже не глядя на руки; большие ее глаза, такие же темно-голубые, как платье, смотрели на Вилла.

— Ладно уж, — сказал он. — Сегодня у нее, наверно, снова болит голова? — Вечно она болит у нее, — ответила Мери, — когда отец уезжает... по делам, — и быстро опустила глаза, погрузившись в работу. Под ее нежной белой кожей разливался быстрый румянец.

— Да, — сказал Вилл. — Я знаю.

Частые и сомнительные деловые поездки мистера Монтджой, у которого он арендовал комнату, не касались и не трогали его, но в последнее время Мери начала кое-что понимать. Вилл наблюдал, как краска мучительного смущения покидает ее лицо, и гнев бессильно шевельнулся в его груди.

Он поднял кружку и сказал:

— Я не собирался пить, но побоялся, что, если откажусь, твоя мать увенчает мне голову кувшином эля, — хотя ему хотелось сказать совсем не это.

На серьезном лице Мери вспыхнула улыбка, но лишь на мгновение.

— Вы же ничего не ели несколько дней, — сказала она укоризненно.

— Всего дня два, — ответил Вилл. — Может быть, три.

— Это очень долго. И вы много пили. И не спали три ночи подряд.

— Похоже, и ты не спала.

— Да ведь вы до утра топали наверх. — Она тут же заметила, как встревожилось его лицо. — Нет, я не то хочу сказать. Но дальше нельзя так, понимаете?

Эта фраза рассмешила его.

— Извини. Думаю, сегодня ночью ты сможешь заснуть.

— И вы тоже?

— Да, надеюсь...

— Тогда, значит, вам не давала покоя эта пьеса, — сказала Мери.

— Да, — Вилл глянул на ветви яблони, нависавшие над волнистой линией крыши. Густая листва была яркого нежно-зеленого цвета. — Эта пьеса.

нец Мери с притворной застенчивостью. — Мальчик, игравший Розалинду, был очень хорош.

— Сэм? Да, он молодец. — Вилл припомнил высокого белокурого парнишку, который был так неуклюже очарователен в ролях девушек. Неожиданно для себя он увидел Сэма совсем не Розалиндой, а робкой и простодушной героиней новой пьесы. Он снова был на генеральной репетиции, а ведь именно это ему все время хотелось забыть. Дик Бербежд швырнул в Сэма книгу, и Сэм, которому было всего тринадцать лет, расплакался от обиды и нервного напряжения. Джон Хеминг, менеджер, несший ответственность за всю труппу на своих плечах, одной рукой принялся успокаивать вспыхивающую звезду, а другой — утешать своего многообещающего новичка, и Вилл следил за скандалом с холодным, болезненным чувством ответственности, хотя его явно никто не винил. Сэм был славным парнишкой, а Бербежд был Бербеждем. Если эта пьеса оказалась не под силу им...

— Нравится им переодеваться в девушек? — спросила Мери.

— Что? — Вилл мгновенно перенесся с шумной сцены «Глобуса» в тихий зеленый сад. — Мальчишка? Не очень, тем более в такую погоду.

— У мальчиков, должно быть, одежда удобнее, — вздохнула Мери мечтательно.

Мать снова появилась в дверях, узкое лицо ее побледнело, от боли меж бровей залегли две глубокие складки.

— Мери, этого вполне хватит. Иди позови Стивена еще раз. Уже полчасика, как он должен приняться за работу.

Мери, уловив в голосе матери знакомые интонации, вскопчила. Миссис Монтджой прислонилась к косяку и откинула назад волосы.

— Не стоит позволять Мери быть такой надоедливой, мистер Шекспир, — сказала она. — Боюсь, что в некоторых вещах она еще очень ребячлива.

— Дома у меня две своих, — сказал Вилл, засмеявшись.

— Да, да. — Складывалось странное впечатление, будто миссис Монтджой хотела что-то сказать, но не решалась. — Хотя я всегда говорила, что вы слишком молодо выглядите, чтобы иметь дочерей в возрасте Мери.

— Я женился в юности, — сказал Вилл осторожно.

— Должно быть, вы... — она снова загнулась, будто задержалась перед прыжком, — должно быть, ваша жена скучает без вас. Вы живете в Лондоне уже больше года.

Вилл пробормотал в ответ что-то не-

— Нет, — жестко сказал Вилл. — Эта пьеса не для тебя.

— Но я смотрела «Как вам...».

— Эта пьеса, — сказал Вилл отчетливо, — не прежде, — совершенно иная.

— Ведь мне уже почти восемнадцать, Вилл.

— Нет, Мери.

Он хотел быть категоричным в своем отказе, но почему-то его слова не прозвучали как нужно. Мери продолжала смотреть на него, губы ее приоткрылись, глаза от волнения потемнели; можно было утонуть в этих глазах.

— Я еще ребенок, — сказала она. Слова ее прозвучали, как вздох. — Вы это хотите сказать, да?

— Попались! — раздался позади громкий веселый голос.

Вилл вздрогнул как-то нелепо, почти виновато. Мери вздрогнула тоже; помедлив, она обернулась и взглянула вверх сужившимися от солнечного света глазами на толстого парня, стоявшего в дверях и с наслаждением почесывающего себя.

— Доброе утро, Стивен, — сказала она.

— Добрый день, — возразил Стивен. — Почему у тебя еще утро?

Он загоготал, довольный собственным остроумием, и усиленно зачесался, перенеся свою активность на голову, покрытую густыми завитками. Его полурасстегнутая рубашка распахнулась, обнажив спочного цвета волосы на плоской розовой груди.

— Чудесная погода. Отец твой еще в отъезде?

Мери холодно кивнула.

— Жаль, — ответил Стивен, рыгнув. — Я сделал уже почти всю работу, что он мне оставил. Дел хватит только до обеда. — Он подмигнул Мери опухшим со сна глазом, и она тут же отвернулась. — Уже пора обедать.

Она стояла, глубоко вдыхая теплый тяжелый воздух. Если раньше она была бледной, то теперь выглядела почти зеленой. Перехватив взгляд Вилла, она слабо улыбнулась.

— Сейчас не найти хорошего подмастерья, — сказала она. — Все же Стивен неплохо работает, когда захочет. — На лице ее проступили капельки пота, она отбросила назад волосы и прижала руку ко лбу. — Мой муж о нем недурно отзывался.

— Правда? — спросил Вилл, следя за конвульсивными движениями ее горла.

— Да. Он... он будет хорошим мужем Мери, когда доработает свой срок.

Ничего. Такое уже случалось. Я знаю, что делать.

— Ты ведь останешься на весь день одна. — Вилл поднялся на крыльцо, стал рядом с ней и кивнул головой в сторону Стивена, ушедшего на кухню до-есть пирог. — От него будет мало проку, если... если тебе понадобится помощь.

— Не понадобится. Успокойтесь, Вилл. Вам нужно думать о вашей пьесе.

— Может быть, мне лучше остаться?

За всю свою жизнь он никогда не испытывал такого нежелания идти в театр. Кто-нибудь другой сможет сыграть его роль. Вместо жаркого «Глобуса» с закулисными сплетнями и бранью, с горячей неугомонной толпой в партере был бы долгий день в прохладном доме и тенистый сад с Мери.

— Нет, нет. Я не позволю вам, — заявила Мери. Она протянула руку и очень нежно коснулась его щеки. — Но все равно спасибо, дорогой, — прибавила она.

У калитки он оглянулся. Мери стояла у двери, высокая, стройная, сильная. Сейчас он мог представить ее спутницей жизни, смелой, как сокол, верной, как шпага, подругой короля или воина... Но только не Стивена, ни в коем случае не Стивена.

Он отсалютовал ей поднятой рукой. В ответ она помахала ему. Прохладный зеленый сад облегал ее, как раковина жемчужину.

В отделанной мехом мантии — втором костюме Призрака — было почти так же жарко, как и в доспехах первого акта. Вилл обливался потом, когда покидал сцену. Бросив тяжелое одеяние на скамью, он разорвал у горла промокшую рубашку. Душное, наэлектризованное напряжение первого акта помещения странно раскислось перед его глазами. Со сцены донеслась температурная речь Бербеджа, потом надрывные слова королев: «О милый Гамлет, ты рассек мне сердце!»¹. Вилл измученно усмехнулся. Пока неплохо.

Он взял полотенце и подошел к открытой задней двери, вытирая вспотевшие лицо и шею. Сверкающая жара ударила ему в глаза. Солнце, ослепительное в голубом чистом небе, казалось, выпаривало Бэнксайд, его зловоние, шум и ложное величие, впитавшиеся в грязную улицу. Коровы, собаки и дети теснились у водосточных желобов; женщины с шуршащими по земле подолами и неряшливо одетые мужнины сутулились у ветхих крылец и высовывались

¹ Цитаты из «Гамлета» приводятся в переводе М. Лозинского.

из окон. Это был его Лондон, шумливый, полный биения жизни город, который он любил.

— Господи, ну и погода, — произнес подошедший Джон Хеминг.

Это был немолодой, крепко сложенный мужчина. Только что вытасканный бесцеремонно со сцены в роли убитого Полония, он с головы до ног был в пыли. Схватив чью-то недопитую кружку эля, он сделал могучий глоток и вытер рукавом губы, переводя дыхание.

— Чумная погода, — заметил Вилл. — Случись что, нас закроют.

— А ведь еще только июнь! — В августе чума была привычной опасностью для дел театрального менеджера, казалось, подразумевал Хеминг, но как можно ждать чумы в июне? — Не тревожься. На этой пьесе мы заработаем достаточно, чтобы продержаться. Толковый ты парень, Вилл.

— Рад, что ты так считаешь, — ответил Вилл рассеянно, глядя на кипевшую снаружи улицу. (Ее мать заснет. Она будет сидеть под деревьями, читать или шить. Одна? Или со Стивеном?)

— Размышляешь? — спросил Хеминг.

— Ты что, не доволен пьесой?

Вилл отер тыльной стороной ладони липкий лоб и, не говоря ни слова, потянулся за кружкой, из которой пил Хеминг. Эль кислил; на миг он вспомнил, что два дня ничего не ел.

— Я не доволен ею, Джон. Думаю о том, что она еще не кончена.

— Самое подходящее время заявить об этом, — сказал Хеминг, и в его мягком голосе послышался оттенок раздраженности. — Ты писал ведь ее только полтора года.

— Знаю, но... — Вилл подыскивал слова, брови его сдвинулись.

Хеминг пронзительно глядел на него.

— Ты не бывал доволен ни одной сво-

снуд, он грелся на солнце; он вскочит, как разогнувшаяся рапира, когда ему подскажет шестое чувство актера. Глядя на него сверху, Вилл чуть заметно улыбнулся.

— Пойду, наверно, в зал, — сказал он. — Кто-то собирался закидать Дика яйцами.

Еще находясь на сцене, он чувствовал, что пьесу принимают хорошо. Теперь, направляясь к входу, он знал, что пьесу принимают превосходно: из здания не доносилось ни единого звука — ни шороха, ни кашля. Сверхъестественно было идти вдоль огромного здания и знать, что в этой тишине находятся сотни людей. Не менее сверхъестественно было сознавать, что это он, Вилл Шекспир, держит их в своей власти.

— Не без помощи Бербеджа, — сухо сказал себе Вилл, достигнув входа.

Привратник, стоявший на стуле, поднявшись на цыпочки, чтоб лучше видеть сцену, не заметил, как он проскользнул в заднюю часть партера, где зрители набилось, как сельдей в бочке. Найти место было не так-то легко, и, встав где-нибудь, зритель оставался там до конца спектакля². Вилл с трудом втиснулся между двумя дорожными женщинами, жевавшими орехи.

На сцене действие временно замедлилось, и он смог оглядеть зрителей, бывших для него самыми значительными людьми в мире. Состоятельные граждане, сидевшие на галерее, пришли сюда не только посмотреть спектакль, но и показать себя, а от этой пестрой компании в партере зависела жизнь пьесы. Рядом с Виллом солдат обнимал девушку, держа в руке бутылку эля, но глаза его были устремлены на сцену. Лоснящаяся устриница, евшая яблоко, стояла с открытым ртом, забыв прожевать откусенное. Худенький высокий подросток рядом с

голову, глаза ее встретили взгляд Вилла, и она улыбнулась.

В ее улыбке не было ни раскаяния, ни бравады. Скорее всего, она разглядела в его глазах тревогу и успокаивала его. Улыбка ее была нежной и любящей, но это было так непохоже на семнадцатилетнюю девочку-сорванца, так неожиданно, что Вилл, сжатый колышущейся толпой, почувствовал, что голова его закружилась, и на миг он окончательно потерял контакт с реальностью.

Затем он ощутил быстрое, трепетное движение публики, все подались вперед и поднялись на цыпочки, словно почувствовали, что должно произойти. Гамлет — даже Вилл не думал больше о нем как о Бербедже, — ничего не подозревая, шел в конце концов к вероломству и смерти; целый мир на ударах и лязге рапиры — одной честной, другой отравленной. Первый удар, второй, предательский выпад, яркая кровь на рукаве Гамлета. Какая-то женщина издала сдавленный стон.

Шаги несчастия ускорились. «Вот, блудней, убийца окаянный, пей свой напиток!» — проскрежетал сквозь зубы Гамлет, и король подох, как собака. А Гамлет в горьком триумфе опустился на колени... И теперь не было ничего, кроме потери, утраты и пронзительной жалости. Во всем театре от галереи до пола не слышалось ни звука, кроме мягкого голоса Горацио: «...Спи, убаюкан пением херувимов».

Затем ворвались барабаны со своим проклятым банальным рат-а-тат-тат: Фортинбрас и его люди мерным шагом вышли на сцену, и Вилл, облегченно вздохнув, вернулся к действительности. По лицу его текли слезы. Повсюду вокруг него всхлипывали женщины, а мужчины отирали глаза руками. На сцене Фортинбрас и Горацио произносили свои последние реплики, смутно слышимые, почти не замечаемые. Крылья ангела смерти все еще бились в воздухе.

Вилл повернулся и начал с трудом прокладывать дорогу через толпу, мимо оцепеневшего привратника. Жара изнурила его, пошатываясь, он слепо шел вперед. Позади раздались торжественные ноты пушечного залпа, и на мгновение наступила абсолютная тишина. Раздавшийся рев толпы почти физически ударил его по голове. Он и сам не знал, шум это или лучи солнца.

Что он сделал? Он и раньше писал пьесы и заставлял людей переходить от скорби к веселью, но ни разу еще он не заставил зрителей прослезиться. Он? Это не он. Это все пьеса, странная, трудная пьеса, живая, наконец, той жизнью, которой он не дал ей: ведь он, написавший эту пьесу, сознавал, что мир не пошатнулся, хотя Гамлет погиб.

Нетвердой походкой шел он по знойным улицам. Камзол и шляпа остались в костюмерной, солнце жгло ему голову и плечи, но он не замечал этого. В мозгу его вертелись фразы: Я безумен только при норд-норд-весте... По склонности к безделью, добрый принц... Вооруженный с ног до головы...

Прихрамывая, он шел по Бэнксайдю; почему люди оглядываются на него? Оказывается, кто-то бежал за ним, вот почему. Кажется, это был тот высокий, худой мальчик, которого он почти узнал в театре, а потом померещилось, что это Мери Монтджой, но это было маловероятно.

— Вилл, Вилл, подожди, пожалуйста, я не могу догнать...

Это был голос Мери, но в его мозгу звучали голоса Горацио, Призрака, Гамлета, которые в конце концов были его собственным голосом... О рать небес! Земля! И что еще прибавить? Ад!

— Пожалуйста, Вилл...

Если это была Мери, то сейчас она, чуть не плача, спотыкалась рядом с ним; но это не Мери, это мальчик в камзоле и плохо сидящих штанах. Он не помнил, как сбился с дороги, но перед ним оказались тесно столпившиеся высокие дома и мост с быстрой рекой внизу, о боже, боже! Скошен в цвету моих грехов, врасплох, непричащен и непомазан... Умереть, уснуть... В гнилом поту засаленной постели... Уйди в монастырь...

— Не узнаешь меня, Вилл? Это я, Мери... Я должна была посмотреть пьесу...

Деревья на Силвер-стрит простерли свои нежные пальцы между ним и палящим солнцем. Он не знал, что ему сейчас нужно, но он знал, что найдет это здесь, в зеленом саду, в прохладном доме... В твоих молитвах, нимфа, да вспомнятся мои грехи...

В доме стояла тишина, никого не было ни в холле, ни в запущенной кухне, ни в прохладном коридоре. Но мальчик из театра, раскрасневшийся и тяжело дышавший от сумасшедшего бега по улицам, вошел вместе с ним и стал в открытых дверях, ведущих в сад.

— Дорогой, это Мери.

Теперь был лишь один из его голосов, но мальчик снял шляпу, и черные волосы, собранные весь день в узел, мягко упали на его плечи. Перед взором Вилла был

зеленый туман, лучи солнца и обрамленная дверным проемом Офелия, или Розалинда, или Мери с глазами, полными слез, и прекрасными длинными волосами, развевающимися возле ее отчаянно-го, любящего лица.

— О, роза мая, — произнес он, когда она обняла его.

Покрытые листвою ветви чернели в окне на фоне серебристого неба. Где-то в саду утренняя птица выводила унылую мелодию. Вилл заворочался и все еще в полусне пробормотал девичье имя.

Снова запела птица, к ней присоединилась другая, начала чирикать еще одна. Вилл с наслаждением вытянулся в прохладной постели. Он так хорошо спал, без сновидений, глубоким исцеляющим сном: прошло много недель с тех пор, как эта пьеса завладела им, и хор утренних птиц, вместо того чтоб будить, погружал его в тяжелую дремоту. Когда он вчера лег? Он не мог припомнить этого, не помнил он и того, как он провел вечер. У него сохранилось смутное воспоминание о напряжении, невыносимой жаре и каком-то сильном чувстве: страхе или радости, жалости или любви? Он знал только, что отчаянно жаждал покоя и что обрел его в объятиях женщины, лежавшей рядом с ним. Повернув голову, не поднимая ее с подушки, он заглянул в темно-голубые глаза Мери.

По телу его пробежала дрожь. Ему показалось, что она ощутила это. Вилл покрылся холодным, словно смертельным, потом. Отодвинувшись, он глядел на нее, будто она была не знакома ему. О, если б это только было так!

— Дорогой мой, что с тобой? — спросила она.

Ее темные волосы, обычно заколотые под чепцом, разметались по подушке, но глаза ее, встревожившиеся, когда она приподнялась, были чисты, честны и ясны, как вчера утром. Вчера она была единственным чистым существом в жарком, изнуряющем городе, звездой в клубившемся тумане. Сегодня не было ничего, кроме тумана.

Очнувшись от тупого, тошнотворного ужаса, он пробормотал:

— Прошлой ночью... что я?

Он поднял руки, прижал ладони к глазам, как бы заставляя их увидеть.

— Я не помню, Мери, — сказал он. — Опынял я? Обезумел? Мери, ты должна поверить мне: я не помню.

Долгое время она лежала молча. — Было так жарко, — проговорила она наконец, — ты переутомился, не ел, не спал. И потом этот спектакль... Видимо, это была горячка.

Значит, он обезумел, набросился на нее, одолел... Он спрятал лицо в подушку.

Голос Мери, звучавший над ним, дрожал от сдерживаемых слез. Вилл поднял голову и увидел чистые линии ее щек, которые он вчера узнал в театре.

— Когда мы поднимаемся сюда... я услышала, что мать просыпается в соседней комнате. Я не могла появиться перед ней в одежде Стивена. Я надела халат... — Она запнулась, и он увидел конвульсивные движения ее горла. Он ничего не мог вспомнить. Мери произнесла очень тихо: — Я дала ей еще снотворного.

Он увидел, что в уголках ее глаз собираются слезы и катятся по щекам.

— Клянусь, Мери, — повторил он, — я ничего не могу вспомнить...

Она повернулась к нему лицом.

— Когда я вернулась, ты уже спал. Ты спал всю ночь, дорогой мой, даже не шевельнувшись. Я боялась, что ты умер.

Вилл лежал так тихо, что мог снова забыться усталым, изнуренным сном.

— Это и все? — спросил он наконец, Мери кивнула:

— Это все.

Облегчение охватило его, сомнения и слабость исчезли. Он встал с кровати и подошел к окну. Внизу в перламутровом свете зари сад был бесцветным, прозрачным от птичьих песен; но солнце поднималось, и все скоро зазеленеет, будет прохладным и чистым. Он не сорвал розу, не погасил звезду.

Звук, раздавшийся позади, заставил его обернуться: Мери, уткнувшись лицом в подушку, плакала отчаянно, почти беззвучно, все ее тонкое тело сотрясало от всхлипываний.

— Мери, — сказал он. — Мери... Ты ведь сказала... Все хорошо, правда?

Ее кивок не оставлял сомнений, но слезы продолжали течь, сбегая по лицу и впитываясь в подушку. Он сел на кровать и коснулся ее вздрагивающих плеч.

— Тогда не плачь, любимая. Почему ты плачешь?

Она что-то прорыдала в сжатые детские кулачки, прижатые ко рту. Ему показалось, что она сказала «потому...». Он не смог уловить в этом смысла.

Его ладонь нежно, утешающе гладила ее взлохмаченные волосы. В конце концов она была еще ребенком.

С английского.
Перевод Д. ВОЗНЕКЕВИЧА

Рисунок Ф. КОНСТАНТИНОВА

ей пьесой, верно? — мягко спросил он. — А они все прошли с полным успехом. Вилл устало прикрыл глаза от безжалостного солнца.

— Да, но с другими пьесами, когда мы ставили их, было уже все кончено. Они были рождены, они существовали сами по себе. Я мог посмотреть их, даже премьеры, и не испытывать мучительных чувств. Я покончил с ними. — Он открыл глаза и мрачно глянул в обеспокоенное, недоумевающее лицо Хеминга. — Но эта пьеса все еще часть меня самого. Смотреть, как она идет на сцене, так же тяжело, как писать ее заново...

Он замолк, пот стекал по его бледному лицу.

— Как ты себя чувствуешь, Вилл? — заботливо спросил Хеминг. — Ты здорово потрудились. Почему тебе не пойти домой?

В этот момент, словно порыв морского ветра, Дик Бербедж пронесся со сцены и подошел к ним.

— Ради бога, дайте мне глотнуть, — сказал он, и, выхватив кружку у Вилла, жадно стал пить.

Каждый дюйм его невысокого крепкого тела излучал энергию, какую-то таинственную силу, делавшую его величайшим актером этого мира; он был великолепным профессионалом и законченным эгоцентристом. Оказавшись в золотом блеске его уверенности и силы, Вилл с Хемингом глубоко вздохнули и уныло уставились друг на друга.

— Что это с тобой, Вилл? — спросил Бербедж, опускаясь на ступеньку с ленивой кошачьей грацией. — Ты похож на ожившего покойника.

— Он говорит, что пьеса еще не кончена, — сухо ответил Хеминг.

Бербедж усмехнулся.

— Я не представляю, как еще, черт возьми, она может быть кончена. Ты ведь сам уже убил всех персонажей.

Прислонившись к косяку, словно за-

² В партере театра были только стоячие места.